Петр Чебалин

Дорогой героя

Герои подвига

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ивану Бридько было всего 12 лет, когда он, сбежав от кулака, оставил родную Ивановку и пришел в Донбасс.

Лампонос, саночник, уборщик породы, плитовой, забойщик — таков путь И. И. Бридько, славная дорога дважды Героя Социалистического Труда, о котором рассказывает в настоящем очерке писатель Петр Чебалин.

- Петр Чебалин
  -
  - У истоков
  - Только в шахту!
  - График и люди
  - Первая лекция
  - Боевые друзья
  - Первая звезда
  - Искать, всегда искать!
  - Доверие и контроль
  - Серьезный разговор
  - Трудовые будни
  - Сын народа

Петр Чебалин
Дорогой героя

Дважды Герой Социалистического Труда Иван Иванович Бридько

У истоков

Спросите у горняков, и все вам скажут: человек этот самый уважаемый на шахте. Здесь он на виду у всех прожил большую часть своей нелегкой, но славной трудовой жизни.

Иногда молодые шахтеры по-сыновьи, простосердечно говорят о нем:

— Наш старик…

— Старик! Какой я вам старик? Старики на печах лежат, кости греют!

Не любит Иван Иванович Бридько, когда его, даже с любовью, называют стариком. Правда, ему под шестьдесят. Но что из того? Он не ушел на покой, по сей день трудится в шахте, хотя многие шахтеры — его ровесники уже на пенсии.

И действительно, высокий, с бодрой выправкой, сухощавый, всегда гладко выбритый, И. И. Бридько выглядит совсем молодо.

…На шахте № 5–6 имени Димитрова Иван Иванович прошел все горняцкие профессии и ни от кого не скрывает, что больше всего гордится работой забойщика. Более уважаемой, почетной профессии в то время на шахте не было. Она оказалась очень живучей. Уже были уничтожены тяжелые профессии саночника, газожега, вагонщика, гонявшего вручную груженные углем и породой вагонетки по километровым выработкам. Пришла наконец врубовая машина, а обушок и лопата все еще продолжали жить.

Бывало, каждые две недели забойщик Иван Бридько ладил к своему обушку новую ручку. Он то пробовал ее на взмах в вытянутых руках, то ложился на бок, как в угольной лаве, когда делал зарубную щель в пласте. Он берег и уважал обушок, несмотря на его простоту и древность. Им он за восемь часов работы в забое делал несчетное количество ударов по угольному пласту. Им он добывал уважение и почет передового шахтера.

Но спустя несколько лет, когда Бридько стал десятником, а затем начальником угольной лавы, он уже с чувством грусти смотрел на этот примитивный инструмент: не слишком ли загостил он на шахте? То были годы возникновения стахановского движения, годы освоения новой техники. К тому времени в шахте работали врубовые машины, транспортеры, электровозы. Почти всюду стали появляться машины, механизмы, и рядом со всем этим — обушок, лопата…

Бридько принял лаву от прежнего начальника, когда участок находился в глубоком прорыве: план угледобычи систематически не выполнялся. Он много думал, с чего начать. Иногда часами

просиживал в лаве, внимательно наблюдая за работой людей. За две смены отбойщики и навальщики не успевали очистить лаву от подрубанного угля, нагрузить его на рештаки. Когда машинист, он же и партгрупорг врубовой, Степан Безрук приходил в лаву для очередной подрубки пласта, дорога для машины, как правило, была завалена. Тогда он сам брался за лопату. В один из таких дней Бридько подозвал его и спросил:

— Что ж, партгрупорг, может быть, и мне взяться за лопату, скорее дело пойдет?

Уловив в голосе Бридько иронию, Безрук промолчал. На его черном от угольной пыли лице, на широких плечах поблескивали капельки пота.

— Да, надо что-то придумывать, — сказал наконец Безрук, — третий час простаивает машина, не шутка… И так изо дня в день.

И в самом деле, неужели ничего невозможно придумать, чтобы время не пропадало зря? Мыслимо ли перелопатить такое количество угля, погрузить его на конвейер, притом в тесноте, задыхаясь от пыли!

Решили думать всем коллективом…

Производственные совещания проходили оживленно. Чувствовалась заинтересованность людей. Тем более что каждый день в газетах появлялись все новые и новые тревожные вести: заводы, электростанции задыхаются без топлива, требуют угля.

Некоторым казалось, что угледобычу можно и надо поднимать выдающимися рекордами одиночек. Рекорды действительно играли свою положительную роль. Это были искры, от которых подчас разгорался целый костер. Но партия всегда напоминала, что нам нужны не рекорды одиночек, а главным образом налаженная, четко организованная работа всех угольных участков и шахт. За это и решил бороться Бридько.

— Дорогой Иван Иванович, — успокаивали его некоторые, — не сразу Москва строилась! Давайте начнем с рекордов, а потом…

Но начальник лавы ни за что не хотел отступать. Хотел видеть весь свой участок работающим ритмично.

Первый шаг к этому вскоре был найден. Бридько с помощью товарищей, рабочих лавы придумал усовершенствование, позволившее горнякам быстро продвигаться вперед и почти вдвое увеличить угледобычу.

Достигалось это следующим путем. После того как машина подрубит пласт, к груди забоя вплотную переносится конвейерная линия. После выпала бурок по углю большая часть его сама сваливается на рештаки. Теперь не надо было перекидывать уголь на большое расстояние. Это позволило упразднить профессию забойщика. Ее совместил навальщик и стал именоваться

навалоотбойщиком. В 90-метровой угольной лаве врубовая машина стала делать один, а иногда и полтора оборота, или, как позже было принято называть, один — полтора цикла. Участок увеличил добычу с 800 до 1300 тонн угля в сутки.

Однако новое не всем пришлось по душе. В бригаде работал Федот Борщев, молчаливый, коренастый человек. Он пришел с другой шахты, коротко объяснив, что не поладил там с начальством. Работал хорошо. И не просто хорошо, а с каким-то веселым задором. Поначалу он даже сумел заразить этим других забойщиков. Но потом заметили, что Борщев всякий раз вымогает для себя пай, где уголь помягче, податливее, и все стали относиться к нему недоверчиво.

Когда на долю Борщева выпадал «трудный кусок», он едва выполнял свою норму: приберегал силы.

Бридько заметил это.

— Лодыря гоняешь? — спросил он однажды сердито.

— А может, мне просто работа не по душе.

— Значит, душа у тебя неважная. А тут люди с советской душой требуются, — к лодырям начальник лавы был беспощаден. — По-моему, ты просто не умеешь работать и боишься работы.

— Это я-то не умею работать? — вскипел Борщев. — Да я у лучших мастеров учился, у самого Никиты Изотова…

— Выходит, учили, да недоучили. Ошибочка вышла, — невозмутимо ответил ему Иван Иванович.

Скуластое, почти квадратное лицо забойщика скривилось, точно от физической боли.

— Может, научишь, как надо рубать, научи меня, грешного, — взмолился он насмешливо.

Работавшие неподалеку навальщики и забойщики с интересом прислушивались к спору. Бридько заметил это и без колебания ответил:

— Добре! Давай-ка сюда обушок!

Голос у него уверенный, но на сердце все же было неспокойно: а вдруг не осилит крепкий уголь, сорвется? Ведь сколько уже прошло лет, как не держал в руках обушок!

От злости, от того, что надо было доказать этому рвачу, что и трудный пай по плечу настоящему, честному забойщику, он взялся за дело. Рубал пять, десять минут, сильными меткими ударами откалывая глыбы угля, не чувствуя усталости. Так до конца смены и не отдал Борщеву обушок. А когда вырубил весь отведенный тому пай дочиста, сказал спокойно:

— Вот как надо!

Борщев молчал. С той поры он уже не требовал у бригадира

пай получше, на любом работал до хруста в костях. Никто из забойщиков не мог за ним угнаться. Вскоре имя его появилось в районной газете.

Бридько радовался и за Борщева и за себя. Он, пожалуй, впервые понял, как велика сила личного примера. Потом уж это стало для него жизненным законом…

После того как в лаве была ликвидирована профессия забойщика, Федот Борщев решительно заявил Бридько:

— Как хочешь, Иван Иванович, обушок на лопату я не сменяю, в навалоотбойщики не пойду. Работы для меня, забойщика, кругом хватит.

С тем и ушел.

Бридько даже не успел спросить, куда же он уходит, не успел сказать, что недалеко то время, когда обушок, так же как и лопату, придется сдавать в музей…

В тот день он все думал об этом упрямом человеке: уйдет в самом деле или не уйдет? Может, завтра койка Федота Борщева в общежитии окажется пустой и парторг Николай Семенович Щетинин спросит его, Бридько: «Как вы могли прославлять дезертира в газете?»

Безусловно спросит!

Но Борщев не ушел, а стал работать на другом участке, где в забойщиках все еще была нужда. Иван Иванович успокоился: не придется краснеть перед парторгом.

Парторг Щетинин почти ежедневно бывал на третьем участке и радовался переменам. Участок становился все более подтянутым, опрятным. Подземные пути в штреках не были захламлены, как у других. Вдоль стен, по расчищенной канавке, тускло отсвечивая, спокойно текла вода, нигде не задерживаясь, не образуя луж. Ни одной сломанной стойки, ни одного вывалившегося верхняка. За всем этим стояли люди, их усердный труд, их любовь к своему горняцкому делу.

Когда бы парторг ни появился в лаве, там не умолкал радостный грохот, всегда горел яркий свет и навалоотбойщики размеренными движениями перекидывали уголь в решетаки. Во всем этом Щетинин видел не только организаторский талант молодого руководителя, но и его волевой характер, умение работать с людьми. Недаром о Бридько говорили на участке:

— Крутехонек, но зато справедлив!

Бридько помнит один из разговоров с парторгом. Как-то Щетинин пригласил его к себе. Усадил, а сам принялся вышагивать по небольшому кабинету.

— Выкладывай-ка, Иван Иванович, что будем делать с твоим новшеством.

Спокойный, собранный, он, как всегда, говорил не спеша, взвешивая каждое слово. Взгляд у него чуть улыбающийся, добрый, располагающий. «О чем он? — подумал Бридько. — О переноске рештаков в лаве?»

— Ну какое же это новшество? — ответил он и пожал плечами.

Щетинин чему-то улыбнулся, взял с книжной полки районную газету, подал ее Бридько.

Мы с тобой не видим ничего нового в том, что сделано в вашей третьей восточной лаве, а вот район оценил это.

В газете в самом деле была помещена корреспонденция о работе участка, которым руководил Бридько. В ней говорилось о скоростном продвижении лавы, о дисциплине и высоких заработках горняков…

Иван Иванович вспомнил, что на днях у него на участке действительно был сотрудник газеты. Почти всю смену он неотступно ходил за ним, беседовал с рабочими. Исчез он так же внезапно, как и появился. И вскоре Иван Иванович забыл о нем.

У Бридько было какое-то двойственное отношение к газете. Ему казалось, что корреспондент приукрасил положение дел на участке. Ну а то, что замечено хорошее, радовало.

Парторг понял это.

— Корреспондент откопал главное, новое. Молодец! — сказал Щетинин.

Он сел напротив Бридько и, как бы готовясь к длительному и задушевному разговору, положил ему на плечо руку.

— Вот что, дорогой Иван Иванович, надо по-настоящему начинать пропаганду опыта работы третьего участка. Таково решение партбюро…

Почин коллектива третьей восточной лавы оказался той искрой, от которой постепенно разгорелось большое пламя. Опираясь на опыт участка Бридько, начальник шахты инженер Уманский вместе со своими помощниками разработал график работ по-новому для всех угольных лав. Каждый из, них, в зависимости от геологических условий и других обстоятельств, чем-то отличался от другого, но всех их роднило одно: они утверждали порядок, связывали воедино все производственные операции по добыче угля.

В те дни Иван Иванович по две-три смены сряду не выходил из шахты. Большую часть времени он проводил не на своем, а на других угольных участках. Многие его ждали у себя, к его советам прислушивались с жадным интересом, но кое-где встречали недружелюбно и даже враждебно. Некоторые пытались доказать, что такое быстрое продвижение линии забоя, какое предполагает

график, противоречит самой природе горных разработок, что оно неминуемо повлечет за собой катастрофу — обвал в лаве. Однако предвзятость, сомнения этих людей постепенно разбивала сама жизнь: лава, как говорится, ускоряла шаг и умело, добротно закрепленная кровля никому не угрожала.

Теперь ничто не могло заставить Бридько отступить от задуманного. Его радовала горячая поддержка большинства шахтеров, особенно молодых. Они жадно тянулись ко всему новому, охотно изучали технику. От всего этого веяло дерзанием молодости, романтикой, жаром борьбы нового со всем отживающим, одряхлевшим.

Обрадовала и встреча с Борщевым. Бридько не сразу узнал его. Он привык видеть Федота в спецовке, а тут вдруг в новеньком добротном костюме, в свежей рубашке с отложным воротником.

— Где ты теперь? — спросил Иван Иванович.

— Зачислен на курсы механизаторов, осваиваю врубовую. Закончу и к вам на участок. Примете? — ответил, Борщев. Иван Иванович тепло, дружески пожал ему руку…

На шахте все чаще стали появляться незнакомые люди. Они целыми днями толклись в нарядной, небольшими группами и в одиночку приходили в третью восточную лаву. Гости учились работать, и это радовало, придавало людям восточной лавы уверенность и новые силы.

Признали ли его, Бридько, новую организацию труда в лаве начальники участков других шахт?

Никто из них не говорил ему об этом прямо. Некоторые приезжали на шахту предубежденными, но потом, придирчиво приглядевшись ко всему, становились горячими сторонниками цикличного метода.

Так завоевывалось признание.

Каждый день газеты и радио приносили все новые и новые сообщения о том, что в Донбассе ширится движение за цикличную работу в лавах, с новой силой разгоралась борьба за освоение горной техники «подземных заводов», как принято было в то время называть шахты.

Тогда же стало все чаще упоминаться имя начальника участка шахты № 18 Шашацкого: он обогнал Бридько, цикловал 300-метровую лаву. Иван Иванович решил съездить к нему — посмотреть, поучиться. Эта поездка многое ему подсказала. Волевой, технически грамотный руководитель сумел добиться образцовой организации труда, крепкой трудовой дисциплины. Он приучил людей уважать рабочее время, дорожить каждой минутой.

Иван Иванович запомнил один любопытный эпизод. В то

время по распоряжению наркома на шахту № 18 была послана бригада ученых горных и научно-исследовательских угольных институтов для изучения и обобщения опыта работы товарища Шашацкого. Как-то подойдя к лаве, академик Терпигорев посмотрел на часы и многозначительно свел брови: часы показывали ровно восемь, но лава еще не начала выдачу угля.

— Вы опаздываете, мой друг, — сказал с сожалением ученый, видя, как с самого начала нарушается график.

— Ваши часы не совсем точны, — возразил Шашацкий, — сейчас без трех минут восемь.

И действительно, ровно через три минуты загремел конвейер.

Поднявшись на поверхность, академик проверил свои часы и убедился, что Шашадкий прав.

— По работе вашей лавы можно сверять время, — улыбаясь, сказал он начальнику участка и пожал ему руку.

Бридько часто вспоминал этот случай, рассказал о нем своим шахтерам. Такой четкости и точности он стремился добиться и в работе на своем участке.

Но для этого нужно было учиться и учиться. А ему, Бридько, далеко до инженера…

За усердный новаторский труд И. И. Бридько наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это была большая радость. Но она тоже звала вперед. Надо было учиться. Этого все настойчивее требовала жизнь…

Когда Иван Бридько уезжал в Москву, перед его глазами долго еще стояли высокие, залитые светом надшахтные здания, стройный, гордый копер, новые белокаменные дома поселка, утопающие в золотисто-зеленых деревьях и ярких осенних цветах. Здесь ему был дорог каждый уголок. Здесь оставалась любимая шахта, люди, к которым он прирос душой. И они, видно, полюбили его, иначе бы не избрали в верховный орган власти республики…

Учеба… Сколько раз мечтал о ней Бридько! Иван Иванович снова и снова вспоминал, как на одном из совещаний горняков Донбасса, на котором он рассказал о работе по цикличному графику на своем угольном участке, к нему подошел нарком, седеющий, спокойный с виду человек, задушевно сказал:

— Хорошо работаете, главное — с головой. — И, чуть посуровев, добавил: — Вам надо учиться…

Учиться? Не так это просто! С тремя классами образования небось ни в техникум, ни в институт не поступишь.

После этой встречи прошло несколько месяцев. Бридько постепенно стал забывать о ней, как вдруг пришла телеграмма из наркомата: «Срочно выезжайте Москву учебы промакадемии».

Бридько вначале не поверил: ему ли адресован вызов? Пошел в партком. Оказалось, секретарь только что разговаривал с Москвой, и оттуда потребовали, чтобы Бридько, не медля ни одного дня, собирался в дорогу.

Промышленная академия! Он даже мечтать об этом не смел.

После трех лет учебы Бридько успешно защитил диплом горного техника и получил назначение на работу в Караганду. Но отъезду помешала война.

Несколько месяцев прослужил он в боевых рядах грозного ополчения. Здесь он принял первое боевое крещение, почувствовал себя настоящим солдатом…

А в боях на Волге Иван Бридько был ранен. После двух месяцев лечения Бридько был направлен снова на фронт. Здесь и встретил победу.

Домой вернулся осенью 1945 года.

Только в шахту!

Вода шла сплошь по всей лаве, слизывая и унося с собой угольное крошево. Отполированный ею глинистый сланец скользил под ногами, как мыло. Вода просачивалась и сверху, бесшумно струясь по сосновым стойкам.

Когда в лаве на какое-то время стихала работа, все здесь напоминало ненастную, дождливую осень в лесу, с ее низко нависшим тяжелым небом, мутными потоками и винным запахом промокшей сосны.

Бридько медленно пробирался вверх по лаве, хватаясь за стойки, подтягиваясь на руках и скользя резиновыми сапогами. Аккумуляторная лампа с длинной закругленной медной ручкой раскачивалась у него на груди. Желтую полоску света стремительно пересекали летящие сверху крупные капли.

Бридько часто останавливался. И не потому, что устал: он привык к тесной лаве, а потому, что он здесь хозяин и ему надо знать, что происходит вокруг.

Вот он осветил угольный пласт. Яркий луч уперся в черную низкую стену и на какое-то время замер в неподвижности, затем медленно, будто ощупью, пополз вверх. Плотно спрессованные пласты угля, казалось, ожили, переливаясь вороненым блеском: то вода просачивалась в его складки.

Да, вода здесь проникала всюду.

Бридько задумался и долго не двигался с места. Даже сквозь шум и скрежет конвейера он слышал, как тяжелые капли звучно постукивают по его брезентовой куртке, по шлему. Бридько вспомнил, как когда-то, еще в детстве, его внезапно застигла в шахте вода. Это было неприятное воспоминание, но он не в силах был избавиться от него. Тогда, как и теперь, подземная вода была ледяная и в воздухе остро пахло размокшим деревом и углем.

Бридько еще раз осветил лампой угольный пласт, встал на колени и, хватаясь за стойки, пополз вверх. Конвейер судорожно дергался, ссовывая уголь вниз, в запасной люк. В глубине лавы в рассеянном, бледном свете он увидел нескольких навалоотбойщиков. Широкими лопатами они наполняли углем желоб конвейера. Некоторые были в брезентовых куртках нараспашку, одетых на голое тело, другие — в нижних сорочках или майках, а один — лишь в брюках навыпуск, с наколенниками из толстой резины. Его лоснящаяся мокрая спина будто слегка дымилась.

Пронизывающий сквозной ветер сновал по лаве, и Бридько сердито подумал: «Не иначе как простуду нажить хочет». Но с

места не сдвинулся: не хотелось мешать дружной, напряженной работе людей.

Вдруг в лаве наступила тишина. Это остановился конвейер. Видимо, в откаточном штреке произошла какая-то заминка с порожняком.

В ожидании, пока конвейер начнет работать снова, навалоотбойщики в самых разнообразных позах — кто лежа, кто сидя по-восточному, поджав под себя ноги, — расположились в забое. Бридько подполз к ним, отыскал рослого, с сильной выпуклой грудью навалоотбойщика, сел рядом и строго сказал:

— Вижу, на больничный метишь, Гопко.

— Да что вы, Иван Иванович, — начал парень, смутившись, — работа такая, что и без рубашки парко…

— Только одному тебе и парко, — перебил его Иван Иванович, — простудишься, сляжешь, кто бригаду поведет?

Гопко вопросительно и удивленно посмотрел на него.

— Это вы шуткуете, товарищ начальник участка. У нас каждый хоть сегодня может стать бригадиром…

— Ладно, знаю! — резко перебил его Бридько. — А рубашку все же надень. Чувствуешь, как продувает?

— Да пока конвейер стоит, чувствую, а начнет качать… — не договорив, Гопко отполз в сторону, вытащил из-под большой глыбы породы выпачканную угольной пылью рубашку и нехотя стал натягивать ее на свои могучие плечи. — Воно як бы не этот холодненький дождик, Иван Иванович, так совсем бы запарились. — И бригадир для убедительности постучал тыльной стороной ладони, по мокрой кровле.

Бридько уловил в его глазах затаенную усмешку и понял: сейчас отпустит какую-нибудь шутку.

— Этот душ, можно сказать, наш спаситель, — продолжал Гопко, — помогает нам давать две нормы. Захекався — остудит, замерз — работать заставит.

Все рассмеялись.

Вскоре заработал конвейер, и навалоотбойщики поспешно взялись за свое дело. Бридько видел, как бригадир торопливо отполз к забою, сбросил с себя рубашку и энергично принялся за работу. Пробираясь вверх по лаве, начальник участка думал: «Вот все они шутят, а ведь им нелегко. Больше месяца работают в мокрой лаве.

Когда люди поднимаются из шахты, на них, что называется, не отыщешь сухой нитки. И все же никто не ушел с участка».

Бридько видел: они ждали, что он поможет им найти выход, верили в его умение и опыт. А он медлил. И понимая, что медлить нельзя, нервничал, хотя по его внешне спокойному виду

трудно было заметить это.

В штрехе

Больше всего начальник участка опасался обвалов. При таком обильном притоке воды это иногда случается в лаве. И хотя он применил усиленную, надежную крепь, все же беспокойство ни на минуту не оставляло его. Бридько отлично понимал, что лаву надо удалять от обводненного места, и чем скорее это будет сделано, тем лучше и для людей и для участка. Но как это сделать, где выход?

Такого выхода он пока не видел.

Вот поехать бы к главному инженеру треста сейчас, не переодеваясь, промокшим до нитки и сказать: «Ну, товарищ главный, вы наделили меня этим участком, теперь советуйте, как быть, а нет — сами попробуйте поработать в такой лаве, под дождиком…»

Бридько и в самом деле вначале сердился на главного инженера, но потом вспомнил, что сам же согласился принять вторую северную лаву на пласте «Л-6».

Это было на третий день по возвращении его из армии. Главный инженер встретил его приветливо, не подав вида, что удивлен, как изменился, похудел Бридько. Только, взглянув на синеватый шрам на лбу, спросил:

— А как со здоровьем-то, Иван Иванович?

— Здоровье в норме. Работать в шахте могу.

— Почему же именно в шахте? Мы можем найти для вас место в тресте, — заметил главный.

— Нет, нет! — хмурясь, перебил его Бридько. — Только в шахту и никуда больше.

Здоров ли он, в самом деле? Разумеется, здоров. А если порой и тревожит раненая нога и в голове стоит неумолчный надсадный шум, разве мог он считаться с этим? В то время мало кто обращал внимание на болезни. Люди были счастливы, что наконец завоевали победу, вернулись в родные места, и готовы были взяться за любую работу.

В первый год после окончания войны на шахту группами и поодиночке возвращались демобилизованные воины. Среди них были и инвалиды, получившие тяжелое увечье в последних, решающих сражениях.

Одного из них Бридько как-то встретил в кабинете начальника шахты. То был безногий мужчина лет 27–28. Плечистый, с остриженной головой на сильной, мускулистой шее, он въехал на колясочке и сидел в ней, опершись о стул. Бридько заметил, что инвалид сильно взволнован. «Неужели обидел?» — подумал он о начальнике шахты и почувствовал, как все его лицо будто обдало пламенем и у шрама на лбу забился нерв. Начальник шахты стоял за столом, беспомощно расставив руки, растерянный и смущенный.

— Поймите, — говорил он, — я бы рад вам помочь, но не могу, не имею права…

Увидев Бридько, он обрадовался.

— Иван Иванович, ну-ка рассуди: вот человек до войны работал врубмашинистом и теперь просится туда же. Разве имею я право принять его, скажи?..

Бывший врубмашинист выжидательно смотрел на них снизу вверх, запрокинув голову. Бридько вдруг почувствовал себя виноватым в том, что этому человеку приходится так смотреть на людей, стоящих перед ним, и сел на диван, поглубже вдавливаясь в пружины.

— Да о каком вы праве толкуете, товарищ начальник? — нетерпеливо, с удивлением заговорил инвалид. — Вот они, мои права, — и он вытянул перед собой широкие, в твердых темных мозолях руки, — и голова, как видите, на плечах. А что нет этих, — он посмотрел на коляску, которая заменяла ему ноги, — не моя вина. Да если разобраться, то ноги врубмашинисту, пожалуй, без надобности. — Он горько улыбнулся и продолжал: — Во всяком случае, думаю, что и без них можно обойтись: к стволу я как-нибудь сам подъеду, к лаве по штреку в подземном трамвае, в «карете» подвезут, а машиной управлять все равно приходится на коленях.

Если такие, как этот врубмашинист, мечтали работать в

шахте, то неужели ему идти работать в трест? Нет, этому не бывать!

Выслушав горного техника, главный инженер треста сказал ему тогда:

— Что ж, в таком случае иди на пласт «Л-6», начинай цикловать лаву и давай высокую добычу.

Бридько согласился.

По дороге из треста на шахту он не переставал думать над словами глазного инженера: «Начинай цикловать лаву и давай высокую добычу». Эти слова обрадовали и согрели его.

Когда он вернулся с фронта на шахту, на ней еще шли восстановительные работы: монтировалась новая подъемная машина, сооружались угольные эстакады, отстраивался административно-бытовой комбинат. Шахта только что начинала выдавать на-гора первые тонны угля.

О цикле здесь никто не упоминал и не думал, будто его никогда и не существовало. А ведь до войны цикличность называли «первейшим условием шахтерской победы».

Бридько понимал, что ему будет нелегко вновь возродить незаслуженно забытую в Донбассе прогрессивную организацию труда. Его радовало, что в тресте поддерживают эту идею, и был готов на любые трудности для ее осуществления.

…Когда Иван Иванович поднялся на-гора, приближалась ремонтная смена. В небольшой комнатке, с грубо сколоченным дощатым столом, с запыленными окнами, обращенными во двор шахты, собрались горняки. Бридько показалось, что все они, так же как и он, устали и настроение у них было явно чем-то испорчено.

Уже перед тем, как спускаться в шахту, горный мастер доложил, что бутчик Сергей Полова и переносчик конвейера Павел Букреев не вышли на работу. Иван Иванович вспомнил неповоротливого, огромного роста Букреева и невысокого, бойкого на язык Полову. Настороженно спросил:

— Почему не вышли?

Горный мастер, человек уже в летах, ответил не сразу. В раздумье потирая сухой щетинистый подбородок, он сказал:

— Пьянствовали они вчера, Иван Иванович, да и водичка в лаве их отпугивает. На заработок жалуются.

«Начинается», — тревожно подумал Бридько. То, чего он больше всего опасался, пришло.

Трудностей могут испугаться многие. Вслед за Букреевым и Половой уйдут и другие. Бридько, конечно, уволит и того и другого без малейшего сожаления, тем более что никто не был доволен их работой. Но на участке был заведен такой порядок:

судьбу каждого человека решает коллектив. Как шахтеры скажут, так и будет.

И на этот раз Бридько не отступил от своего правила. Начал он осторожно, глядя на всех внимательно:

— Так как нам быть, товарищи? Справимся без этих двух?..

— Дезертиры! — гневно сказал кто-то в ответ.

— Давно их пора взашей, в ногах только путаются, а толку никакого, — в тон первому прозвучал второй голос.

И шахтеры один за другим стали торопливо выходить из нарядной.

Подоспела пора спускаться в шахту.

График и люди

Никто определенно не мог сказать, когда придет конец водоносящим породам и наступят благоприятные геологические условия. А ждать Бридько не мог и не хотел.

У него уже был составлен цикличный график лавы, но, прежде чем его узаконить, он считал своим долгом ознакомить с ним весь коллектив участка. И не только ознакомить. Он знал, что многое ему подскажут, посоветуют.

Вначале график изучила партийная группа участка. Затем были созваны сменные рабочие собрания. Перед этим чертежи графика были вывешены на видном месте в нарядной. Они вызвали большой интерес горняков первого участка и всей шахты. Одни доказывали целесообразность применения цикличного графика, другие сомневались, находили в нем некоторые неточности.

Наблюдая и внимательно прислушиваясь к этой своеобразной дискуссии, Бридько остался доволен. «Значит, взяло за живое, раз горячо спорят», — решил он.

Еще с большей силой спор разгорался на самих собраниях. Иван Иванович сразу же отметил: никто не возражал против нового прогрессивного метода, работы. Спор шел о том, как сделать, чтобы график стал по-настоящему реальным и строго выполнялся изо дня в день.

Слушая выступления, Бридько невольно вспоминал довоенные годы. Тогда его начинание многие встретили буквально в штыки. Да это и понятно: применением графика он, Бридько, выбивал почву из-под ног бездельников, упразднял отживающие горняцкие профессии, с которыми некоторым нелегко было расставаться…

Теперь ничего похожего не было, и Бридько с радостным удовлетворением понял, что воевать за начатое дело он будет вместе с дружным коллективом. Вместе они будут делить горечь неудач и радость успехов….

График предусматривал: каждый рабочий должен знать свое место и строго соблюдать свои обязанности…

Все это хорошо. Но Бридько было известно и другое: можно составить четкий и ясный график, расписать в нем все по порядку. Но все это еще только часть дела. Главное — люди, исполнители графика. Найти ключ к каждому рабочему, знать его нужды, зажечь его, чтобы он работал с огоньком, знал, во имя чего трудится. Именно в этом он видел источник успеха.

…С подачей порожняка не ладилось. Иной раз перебои

длились по нескольку часов. И тогда навалоотбойщики сидели по углам лавы в ожидании забурившейся где-то партии порожняка. Все были угрюмы, злы: куда годится такая работа!

Но как только слышался вдали шум электровоза, сразу светлели лица у людей, оживала радостным грохотом лава. И вот опять: не успеет работа как следует разгореться — снова крик снизу:

— Эге-е-й! Бросай качать!

Бригадир Иван Гопко отлично понимал — лихорадочная работа шахты вынужденная: нехватка вагонеток — тяжелое наследие военного времени. Но главное все же беспорядок на шахтном транспорте, что зависело уже от людей.

— Бригадир, давай работу! — наступали навалоотбойщики.

— Что поделаешь, — разводил руками Гопко. — Нет порожняка. На плечах носить уголь не будешь.

Большая часть навалоотбойщиков — вчерашние фронтовики. Они хотели работать только в полную силу. Тем более что страна задыхалась без топлива.

— В чем там у транспортников причина? Неужели ничего нельзя придумать, Иван Иванович? — обращались они к начальнику участка.

Одну из причин Бридько легко обнаружил с первых же дней работы: на участке почти ежедневно появлялись новые машинисты электровозов. Не изучив хорошенько профиль пути, они часто, превышая установленную скорость, «бурили» составы или возили их очень медленно, с опаской. Именно в эти дни Иван Иванович вспомнил о рабочем собрании, на котором обсуждался график и предложения горняков: передать в распоряжение начальника участка подземный транспорт.

Когда Бридько настоял перед начальником шахты, чтобы машинисты на его участке были постоянными и числились у него в штате, начальник подземного транспорта, высокий, жилистый, с резкими нервными движениями человек, рассердился и назвал претензии Бридько незаконными.

— Партизанщину решил разводить, Иван Иванович? Нет, такой номер не пройдет!..

И в самом деле, если пойти на уступки горному технику, тогда со временем вообще надо ликвидировать транспортный участок на шахте. Это значит разрушить то, что существовало десятилетиями.

— Опасаешься, Сергей Иванович, как бы не распалась твоя железнодорожная держава? — с усмешкой сказал Бридько начальнику транспорта. — И пусть ее! Меньше начальства на шахте будет.

— При чем тут «держава»? — еще более рассердился тот. — Я за порядок, а ты его ломать решил, партизанщину…

— Смотря какой порядок, — не уступал Бридько, — есть такие, что и поломать не грех.

Руководители шахты согласились с Бридько, но, правда, договорились, что мера эта временная, и установили минимально короткий испытательный срок. Но не прошло и недели, как дело с транспортом на участке значительно улучшилось.

…Из лавы в вагонетки беспрерывно льется поток угля. Горный мастер, бывший фронтовик, по-военному выпрямившись, доложил начальнику участка, что на участке полный порядок, работа идет в графике, смена трудится с полной нагрузкой.

— А лава как? — настороженно спросил Бридько.

— Держится молодцом. Я только что из нее.

Что же заставило Ивана Ивановича вновь спуститься в шахту? Ему бы после дневного наряда пойти домой, отдохнуть, ведь он уже был здесь с утренней сменой. Ан нет, беспокойное сердце вновь потянуло его в шахту, хотя там оставался его помощник, тоже опытный горняк.

Недоверие? Боязнь? Нет, конечно, не то и не другое. Утром, когда он осматривал участок, ему не понравилось, что лава «хандрит». Он распорядился усилить крепление, и это было сделано. Но в горном деле так много неожиданностей! Ведь он боролся за цикл в сутки, цикл во что бы то ни стало. Разве мог он уйти домой, не убедившись в полном благополучии?

Пробираясь по лаве сверху вниз, Бридько заметил, что несколько бутовых полос выложено неровно. Куски породы были набросаны небрежно, поэтому в буте оставалось много пустот. Такие полосы неустойчивы. Они легко оседают под тяжестью кровли, и посадка ее проходит неравномерно и не точно по шпуру.

«Чья же эта работа?» — возмутился Бридько. Он прополз еще несколько метров и в свете аккумулятора увидел молодого парня в старенькой, будто изрешеченной дробью майке. Тот торопливо подхватывал куски породы, одни укладывал, другие просто бросал в кучу. Работал он энергично, без роздыха, словно боялся куда-то опоздать.

— Как фамилия? — спросил Бридько.

Бутчик обернулся, узнал начальника участка и, вытирая вспотевшее лицо, ответил:

— Я Самойленко.

— Кто учил так бутить?

Парень удивленно посмотрел на Бридько.

— Как кто? Кладу по паспорту, стараюсь. Поглядите, — он

провел ладонью по мокрому лбу и показал ее начальнику участка.

— Вижу. За столом некоторые тоже потеют. А ну-ка, посторонись немного!

Бутчик отодвинулся, не понимая, что задумал его начальник. А Бридько, пристроив аккумулятор на стойке, принялся проворно орудовать глыбами породы. Он укладывал их одна к одной плотно, как опытный мастер укладывает фундамент дома. Так он работал минут десять; бутчик молча наблюдал за каждым его движением. Он видел, что результат труда начальника участка, не идет ни в какое сравнение с его работой, и почувствовал себя неловко.

— Ну, хватит вам, Иван Иванович. Теперь все понятно. Давайте я сам…

— Нет, смотри уж до конца, какой должна стать бутовая полоска.

Наконец Бридько закончил полоску, и Самойленко некоторое время внимательно осматривал ее.

— Не полоска, а игрушка, — сказал он. — Но ведь все равно завалит ее, Иван Иванович…

— Пусть валит. Зато обрез кровли пройдет как по шнурочку. Это важно.

Когда Бридько проходил мимо переносчиков конвейера, кто-то сказал:

— Вы думаете, Самойленко не знает, что брак делает? Боится к зазнобе опоздать, потому и гонит вовсю. Наказать бы его как следует надо.

— В другой раз станет портить забутовку, накажу, и крепко, — ответил начальник участка.

Самойленко, видимо, слышал этот разговор и крикнул из темноты:

— Больше этого не повторится, товарищ Бридько!

Начальник участка и переносчики конвейера молча переглянулись.

…Люди, люди… Их не так уж много на участке, но и не мало, около 100 человек. И все они разные, непохожие друг на друга. Даже когда Бридько видел их в одинаковых проугленных рабочих спецовках, как будто ничем не различимых один от другого, все равно он узнавал в каждом навалоотбойщиков — Гопко, Щербаня, Судака, врубмашинистов — Решетняка, Якимовского, Моковых, горных мастеров. Узнавал их по первому взгляду, по походке, по тому, как они заходят к нему в крохотную, всегда шумную клетушку-нарядную. Он знал, кто чем живет и как ведет себя дома.

Послевоенные годы были нелегкие. Еще существовала

карточная система. Шахтеры на участке Бридько стали зарабатывать хорошо. Почти все молодые, хочется прилично одеться. Приобрести же хороший костюм или пальто не всегда предоставлялось возможным. Лучшим рабочим третьего участка не было отказа в талонах на одежду. Для физически более слабых шахтеров Бридько добивался дополнительного, усиленного пайка.

Даже свадьбы молодых шахтеров с первого участка не обходились без участия Ивана Ивановича. Тогда на шахте еще не было легковых машин и свадьбы справляли по старому русскому обычаю — с тройками, увенчанными радужными лентами и напевными бубенцами. Для такого знаменательного события в жизни человека, как свадьба, из конного двора давали самых красивых, самых рысистых лошадей.

И свадьбы были на славу — пышные, веселые…

Как-то Иван Иванович заметил, что молодой навалоотбойщик Егоров загрустил. То, бывало, приходил на наряд жизнерадостный, много шутил. Все знали, что Егоров ждет приезда жены и вдруг загрустил.

После наряда Бридько задержал навалоотбойщика.

— Погоди, Василий. Вместе спустимся в шахту, — сказал он, — а сейчас пока садись, поговорим.

Парень недоверчиво посмотрел на начальника участка и не сел.

— О чем нам говорить, я ничего не сделал, работаю, как все…

— Работаешь хорошо, знаю, — спокойно продолжал Бридько, — да ты садись.

Тот неохотно присел на краешек скамьи, потупился.

— Что ты старательный, мне известно, а вот почему вдруг загрустил, убей, не пойму.

Егоров поднял голову, внимательно посмотрел на него: шутит или в самом деле хочет узнать?

— Ты скажи, если это не такой уж большой секрет. Ведь я же тебе не только начальник, но и товарищ, — увещевал его Бридько.

— А секрета никакого, Иван Иванович, — начал навалоотбойщик, немного осмелев, — нечестные людишки у нас в конторе водятся, вот в чем секрет.

И рассказал о том, как выдали ему ордер на комнату и как потом отобрали, объяснив тем, что есть более нуждающиеся.

— А теперь вот жена, Настенька, приехала со Смоленщины и третий день живет тут у одной тетушки в сенях. А ведь я ей комнату обещал, — жаловался парень. — Не желаю, говорит, оставаться на твоей шахте, поедем к себе на родину.

Он задумался, вздохнув, заключил:

— Хоть и жалко шахту, да ничего не поделаешь, придется уехать.

— Потерпи, Василий, пару дней, уговори жену. Ордер тебе вернут, — пообещал Бридько.

Лицо парня просветлело, но во взгляде все еще чувствовалась некоторая неуверенность.

А на другой день прямо на наряде, в присутствии всей бригады, Бридько вручил Василию Егорову ордер на ту же комнату, которая и была ему предназначена.

— Дивчина-счетовод замуж собирается, вот ей вроде приданого чуть было и не всучили твой ордерок, Егоров, — объяснил Бридько, пряча усмешку.

Все рассмеялись.

Навалоотбойщик, довольный, не находя слов от волнения, крепко пожал руку Бридько.

В добрый путь

…На участке все меньше становилось рабочих, не выполняющих норму. Но когда бывало такое, Бридько в каждом случае подходил не с общей меркой, а строго индивидуально: одних наказывал рублем, других убеждал. Когда навалоотбойщик Иван Пискунов, молодой сильный парень, недодал за смену 4 тонны угля, Бридько, узнав об этом, ни слова не сказал ему на месте работы, в лаве. А когда бригада, помывшись в бане, собралась в нарядной, Иван Иванович неожиданно заговорил:

— Давайте-ка вместе посчитаем, сколько навалоотбойщик Пискунов за сегодняшнюю смену отобрал у нашего народа добра…

Пискунов недоуменно посмотрел на начальника участка. Свежевымытое, еще неостывшее лицо его залила краска.

— Никакого добра я ни у кого не отбирал, Иван Иванович. Что это вы, в самом деле!

— Нет отобрал, — настойчиво повторил Бридько. — Если ты этого не понимаешь, то слушай, слушайте все.

Он терпеливо стал объяснять, что можно выработать на одной тонне угля, если ее перевести на электроэнергию. Называл самые различные предметы: обувь и ткани, стекло и металл. Его подсчеты показали, что недоданные навалоотбойщиком Пискуновым 4 тонны угля лишили возможности выработать примерно 10 тысяч пар обуви или 15 тысяч метров ткани.

— Вот и получается, что ты, Пискунов, оставил разутыми тысячи наших людей.

Пискунов ничего не мог ответить на убедительные, убийственные для него доводы начальника участка, сидел низко опустив голову, молчал.

Задумчивые и молчаливые сидели и все члены бригады…

Первая лекция

Цикл в сутки — закон! Об этом только и было разговору на шахте, на страницах газет. Казалось бы, чего проще: в течение двух смен выгружай полностью весь уголь из лавы по всей ее длине, а в третью смену производи ремонтно-подготовительные работы. И так изо дня в день. Но одно дело — составить такой график на бумаге, а другое — систематически осуществлять его. Как правило, каждый начальник участка встречает на своем пути к этой заветной цели немало неполадок. Поэтому на многих шахтах от цикличного графика не оставалось и следа.

Эти вопросы должно было обсудить совещание начальников угольных участков и партгрупоргов, на котором выступил с лекцией И. И. Бридько.

Лекция длилась свыше часа.

Когда Бридько скользил указкой по графику, знакомя слушателей со строгой последовательностью процессов, казалось, что он находится в лаве и видит все это своими глазами.

Вот включена врубовая машина. Она делает несколько метров вруба; затем уголь поступает на транспортер, с него — в вагонетки, которые беспрерывно подталкиваются к железному люку и, уже нагруженные углем, мчатся к рудничному двору и дальше, на-гора…

— Бесконечный поток, — вслух сделал вывод кто-то из присутствующих.

— Да, именно бесконечный поток угля. В этом суть цикличного графика, — подытожил лектор.

Начальники участков внимательно слушали его, и каждый мысленно переносился на свою шахту, на свой участок. Теперь ясно было видно, в каком именно месте обрывался бесконечный поток, где затерялось звено единой цепи. У одних все упиралось в трудности с порожняком; у других была искривлена линия забоя в лаве, то и дело рвались решетаки; у третьих люди часами слонялись без дела, не зная своего постоянного места работы.

В вопросах, которые задавали слушатели, сквозил жадный интерес к новому. Но иногда вопросы выражали сомнение, и не только сомнение, но и предвзятость.

Во время перерыва Бридько подошел к старому шахтеру Семкину и тихо сказал:

— Видал, Федор Афанасьевич, как наступают?

— Это мы наступаем, а они обороняют свое, старое. Отобьемся! — убежденно сказал ему Семкин…

Боевые друзья

Все эти месяцы были очень напряженными. Стали приезжать гости с соседних и отдаленных шахт — из Ростова, Луганска и даже Кузбасса. Всюду появились участки, работающие ритмично, по графику. Угледобыча в Донбассе значительно возросла. В этом была немалая заслуга инициатора цикличной работы Ивана Ивановича Бридько. Трудовой ритм в его лаве оставался по-прежнему четким, бесперебойным. Однако вряд ли кто-нибудь знал, как недоволен был работой своего участка сам Бридько. Когда кто-либо из приезжих горячо поздравлял его с ценной инициативой и благодарил за то, что он ничего не скрывает, не делает секретов, Иван Иванович чувствовал себя неловко. О каких секретах они говорят? По крайней мере, сам Бридько их не видел. Это даже сердило его. Ведь ничего из ряда вон выходящего он не сделал. При желании начальники участков всех шахт могут работать так, как работает он. Все дело в строгом порядке, в дисциплине.

Бридько составил несколько новых графиков. Обдумывал их и дома, и по дороге на шахту, куда его приглашали приехать поделиться опытом. И все эти эксперименты привели в конце концов к одному огорчившему его выводу: он не в состоянии делать врубовкой два цикла в сутки.

В эти дни Иван Иванович часто вспоминал, как он выступал на областном партийно-хозяйственном активе в городе Донецке.

Во время его выступления секретарь обкома спросил:

— Вы делаете в своей лаве полтора цикла в сутки. Это предел в вашей работе?

Бридько обернулся к президиуму:

— Нет, это не предел.

— Можно лучше работать?

— Можно и будем работать лучше, — уверенно ответил Бридько.

С того времени он действительно улучшил работу на участке, но уже давно топчется на одном месте.

Как-то Иван Иванович встретил у себя в лаве врубмашиниста соседнего участка Виктора Павловича Внукова.

В лаве было непривычно тихо. Врубовка не работала. Бридько осветил аккумулятором собравшихся возле машины людей, строго спросил:

— В чем дело, почему не работаете?

— Вода в мотор попала, — Бридько узнал по голосу врубмашиниста Прохора Якимовского, — а тут Виктор Павлович

на подмогу пришел, «спецодежду» для врубовки принес.

«Что за чертовщина? Какая еще спецодежда?» — рассердился Иван Иванович, но промолчал. Внуков, небольшого роста, но сильный, подтянул мокрый, скользкий стояк, уселся на нем и заговорил, своим негромким, застенчивым голосом:

— Иду я мимо вашей лавы, слышу — машина стоит. Я к люковой: в чем дело, почему уголек не качают? А она: так, мол, и так — вода в мотор затекла. Тут-то я и смекнул: надо вернуться к себе на участок за «спецодеждой»…

И Внуков с удовольствием похлопал ладонью по чехлу из толстой резины, которым был накрыт мотор врубовки.

— Он у меня все равно без дела лежит. Лава у нас сухая. А вам небось такая «спецодежда» не помешает, — улыбнулся он своей доброй белозубой улыбкой.

Бридько давно знал Внукова. Еще задолго до войны этот шахтер радовал всех своей настойчивостью в работе, знанием дела, высоким классом мастерства.

Иван Иванович встретил его в первый же день после возвращения с фронта. В дружеской беседе выяснили, что оба воевали на одном фронте. Виктор рассказал о своих военных походах, о тяжелых ранениях. Раны заживали долго.

Слушал его тогда Бридько и думал: «Не видать ему врубовки. А жаль, чудесный был машинист».

— Да, трудно тебе будет работать, Виктор Павлович, — сказал он.

Слова эти испугали врубмашиниста. Он некоторое время смотрел на начальника участка, не зная, что ему ответить. Не работать в шахте, оставаться в стороне от любимой профессии Виктору было невозможно. Более десяти лет работал он на врубовке. Во время войны служил автоматчиком в танковом десанте. Неумолчный гул громадных машин, постоянное ощущение тепла, идущего от брони, каждый раз будили в нем мысли о шахте, о врубовке. Он ждал встречи с ней. Неужели его не пустят в лаву?

— Нет, не разлучиться мне с шахтой. Сил еще достаточно, Иван Иванович, — ответил он Бридько.

И Внуков в самом деле стал работать врубмашинистом.

Бридько глубоко уважал этого мужественного, стойкого человека.

…По штреку некоторое время шли молча. Первым заговорил Внуков.

— Тяжеленько тебе, Иван Иванович.

— А я не жалуюсь.

— И не пожалуешься. Характер твой мне хорошо знаком.

Только вижу — нелегко.

Снова помолчали.

— Ты вот что, Иван Иванович, — опять первым заговорил врубмашинист, — водицу никуда не отведешь, ее не иначе как надо обогнать.

— Ясно, что надо обогнать, а как — вот задача, — ответил Бридько.

Внуков, казалось, только и ждал этого вопроса.

— Как, говоришь? А очень даже просто: приспособь пристяжную, и, я думаю, дело у вас пойдет как по писаному, — выпалил он.

В его голосе слышались веселые и, как показалось Бридько, даже насмешливые нотки. Ему вспомнилась вороная, с короткими сильными ногами лошадь, которая работала у него в откаточном штреке. В этом месте электровоз пока что нельзя было приспособить, так как кровля сильно жала и из нее беспрерывно просачивалась вода. Ивану Ивановичу всегда было больно видеть это единственное во всей шахте животное, которое покорно несло свою тяжелую службу: лошадь подвозила крепежный лес, увозила тяжелые вагонетки с породой, и все это в кромешной тьме, почти по колено в грязной жиже. Не этой ли вороной хотел упрекнуть его Внуков?

— С пристяжной дело у вас должно пойти, Иван Иванович, — уже серьезно продолжал Внуков, — я имею в виду вторую врубовку, вроде пристяжной к первой. Лава сразу шагнула бы вперед, и вода не угрожала бы обрушить кровлю.

Эта мысль понравилась Бридько. Вскоре в лаву была спущена вторая врубовка.

Уже первый день работы по-новому дал хорошие результаты. Линия забоя стала за двое суток трижды перемещаться вперед, слабость водообильной кровли и неустойчивость дующей как на дрожжах почвы почти не отражались на работе. Исчезли случаи осадки кровли, частичных обвалов, зажима лавы. В ней стало почти сухо.

Теперь начальник участка уже не журил навалоотбойщиков, когда приходил в лаву и видел их обнаженными по пояс. Но Иван Гопко никогда не упускал случая сказать:

— Ушли мы от водички, Иван Иванович, а жалко. То, бывало, запаришься — душ к твоему удовольствию, а зараз, прямо скажу, душно, хоть караул кричи. Вы бы хоть шланг нам сюда провели с холодненькой водичкой, что ли.

И глаза его по-озорному блестели.

Первая звезда

29 августа 1948 года наша страна впервые праздновала День шахтера.

Накануне праздника участок, которым руководил Иван Иванович Бридько, значительно перевыполнил задание, дал стране сотни тонн сверхпланового топлива.

Парторг шахты, уже пожилой человек, в прошлом забойщик, пришел в нарядную, поздравил горняков участка с трудовой победой. Когда все разошлись, парторг, страстный рыболов, не удержался и спросил у Бридько:

— Слышал, новые рыболовецкие снасти приобрел, Иван Иванович?

Бридько действительно, будучи на днях в Донецке, купил в спортивном магазине складные бамбуковые удилища, уйму всевозможных крючков, поплавков и других рыболовных принадлежностей.

— Снасти у меня на славу, Мефодий Меркулович, да только рыбалить некогда, — с сожалением сказал Бридько.

Парторг сощурил на него внимательный, с лукавинкой глаз:

— А может, все же завтра, в выходной, махнем на зорьке в Каменку? Жор сейчас у окуня страшенный!..

Бридько любил охоту и был матерый рыболов. Но с самой весны не мог выкроить время побывать ни в степи, ни на реке. Однако на этот раз не выдержал, поддался уговорам парторга.

Собралась немалая компания любителей порыбалить. Выехали на собственных «москвичах» и «победах» в Каменку, километров за 80 от шахты.

Утро выдалось тихое, ласковое.

Река открылась внезапно. В длинном, местами изогнутом зеркале воды плавали подрумяненные утренней зорькой облака.

Речка небольшая, но изобилующая окунем и лещом. Камыш, растущий по ее заокраинам, в некоторых местах переходит в густую заросль.

Бридько выбрал уютное уединенное местечко и закинул удочки.

Лицо опахивало то мягким, пахнущим землей и травами теплом, то свежей, влажной прохладой реки.

Оторвавшись от сторожких поплавков, на которые, сухо потрескивая крылышками, то и дело садились нарядные стрекозы, Иван Иванович залюбовался красотой донецкой степи. И эта тихая река, и курганы, поросшие чебрецом, и перелески непролазного дубняка, и маслины, точно зеленые острова,

разбросанные среди полей, — все это близко и дорого его шахтерскому сердцу.

Часам к десяти утра в садке у Ивана Ивановича было десятка полтора крупных полосатых окуней. Таким же хорошим оказался улов и у остальных удильщиков.

Время браться за уху.

Как и всегда, эту ответственную миссию доверили Ивану Ивановичу. И надо сказать, выполняя это высокое поручение, он поистине священнодействовал.

Жарко пылает языкастое пламя, поет и пенится в костре сырая ветка, взлетают и гаснут хороводы искр. Вскоре в ведре начинает булькать ни с чем не сравнимая ароматная рыбацкая уха, приправленная лавровым листом, перчиком-горошком и надвое разрезанными луковицами.

На запах, который распространяется по всему берегу, начинают сходиться шахтеры. Лица у них сияющие: они на ходу потирают руки, предвкушая поистине великое удовольствие.

Домой возвращались под вечер.

Когда подъезжали к поселку, над шахтой вспыхнула красная звездочка.

— Что-то рано зажгли ее, — сказал парторг.

— Сегодня же праздник, Мефодий Меркулович, — напомнил Бридько.

Он даже и не подозревал, что для него, Бридько, нынешний день — праздник вдвойне.

Первыми сообщили ему об этом поселковые мальчишки. Как только машина Бридько въехала в окраинную улочку, заросшую муравой и мелкой ромашкой, ребятня, взявшись за руки, преградила ей дорогу.

— Дядя Бридько, вам присвоили Героя! — что было силы прокричали они в один голос и дружно захлопали в ладоши.

Бридько недоуменно посмотрел на парторга.

— Вести добрые, Иван Иванович, — весело сказал тот. — Если так, погоняй прямо к клубу. Там, наверно, весь поселок в полном сборе.

На площади у клуба действительно собралось много народу. Когда машина подъехала, ее тотчас же окружили. Бридько поздравляли, обнимали, крепко жали руки. Это был первый Герой на шахте.

Искать, всегда искать!

Бридько вышел на веранду, густо увитую диким виноградом. В ночной тишине слышно, как неумолчно и надрывно гудит шахтный вентилятор да время от времени доносится лязг вагонеток. Ветерок приносит со стороны шахты сладковатый запах угля. Но он не может заглушить аромат молодых, впервые в этом году расцветших вишенок и яблонь.

Иван Иванович сошел со ступенек, направился в сад. Казалось, что деревья приветствовали его своими нарядными ветками. Только одна нерасцветшая, больная яблонька стояла грустная в тени. Под ней валялись палые свернувшиеся листочки. Бридько поднял один из них, долго и внимательно рассматривал. Листок был еще влажным и в свете луны казался безжизненно прозрачным. Он несколько раз обошел деревцо.

— Надо садовника пригласить, — озабоченно вслух проговорил Иван Иванович, внимательно оглядев яблоньку. — Пусть посмотрит.

— С кем ты разговариваешь, Ваня? — послышался голос жены.

Иван Иванович ответил не сразу. Он подошел к веранде и сказал, передавая жене увядший лист:

— Да вот яблонька прихворнула. Садовника надо бы позвать.

— Утром приглашу, — сказала Татьяна Федоровна и бережно положила яблоневый листок на перильце веранды, — а ты бы лег. Ведь рано вставать.

— Пора, это верно, — согласился он и вдруг оживился: — А ты знаешь, я, кажется, придумал интересную вещь. Хочешь, расскажу?

— Рассказывай, только я, должно быть, ничего не пойму.

Знакомая фраза! Татьяна Федоровна всегда так отвечала, когда муж начинал с ней разговор о работе. Но он знал, что она отлично все понимает и неплохо разбирается в положении дел на участке. Долгие годы совместной жизни приучили их жить одними интересами, одними и теми же заботами. Если бы даже Татьяна Федоровна захотела отстраниться, уйти от интересов мужа, она не смогла бы этого сделать: в доме все было проникнуто делами, жизнью Бридько.

В этот каменный, окруженный молодым садом дом под этернитовой крышей они переселились недавно. Старый их дом сожгли оккупанты. Как только осенью сорок первого года они ворвались в родной поселок, Татьяна Федоровна усадила на тачку детей и ушла из дому. Куда она пошла? Как и многие тогда, она

уходила, не зная куда, в степь, лишь бы не видеть, что делает враг, не встречаться с ним. Но голод заставил искать пристанище среди людей, и она много дней шла на Дон, к своим родственникам. Ночевали в скирдах соломы. О муже она ничего не знала.

Несмотря на невероятно тяжелые условия жизни на оккупированной территории, эта мужественная женщина сумела сохранить детей. Вскоре после освобождения нашими войсками родной шахты, осенью 1943 года, Татьяна Федоровна вернулась с детьми домой. Работала ламповой, откатчицей, помогала восстанавливать шахту. Вскоре удалось разыскать адрес воинской части, в которой служил муж.

Крепкими, неразрывными узами связана жизнь этих двух людей, проверена нелегкими испытаниями. И они шли всегда рядом, к одной цели…

Иван Иванович подошел к выключателю и зажег свет. Но тотчас же снова погасил его: свет падал в окно комнаты, где спали дети.

Татьяна Федоровна задернула штору.

Иван Иванович сел за стол, принялся набрасывать какой-то эскиз, рассказывал жене свой замысел. Он еще сам не очень хорошо во всем разобрался, и теперь, посвящая в дела жену, уточнял и для себя смутные, неотстоявшиеся мысли.

Как-то главный инженер треста Уманский напомнил ему о «криворожских колпачках», которые применяются на рудниках для отпала руды. Двухметровые шпуры — два метра отпала. Применение этого метода увеличило бы шаг проходчиков откаточного штрека чуть ли ни в два раза. Но как расположить шпуры, чтобы при взрыве не особенно потревожить извечный покой близлежащих пород и направить всю его мощную ударную силу в одном направлении? Об этом, конечно, следует посоветоваться с запальщиками. Породу надо убирать не лопатами, а перегружателем, который Бридько видел на соседней шахте. Это облегчает труд горняков и убыстряет процесс работы. Можно, наконец, настлать два пути: один — для лавы, другой — для штрека. И чуть поодаль, за лавой, установить стрелку — выход на основную магистраль откатки…

— Верно, Таня?

— Раз ты говоришь, значит правильно. Ложись спать. Петухи уже поют…

Перед рассветом стало темней и прохладней. Бридько поднялся из-за стола, на котором лежали подсчеты, наметки нового графика скоростной проходки откаточного штрека, и направился к телефону. Все равно теперь он не уснет до смены, а

хочется знать, как идут дела на участке, сколько выдали угля на-гора…

Доверие и контроль

Если бы у Ивана Ивановича спросили, — какое время суток ему больше всего нравится, он не задумываясь, назвал бы утро, весеннее утро, с его росной прохладой, запахами разнотравья, цветов и прозрачной золотисто-розовой полоской на далеком чистом горизонте; утро в рабочем поселке, когда отчетливо слышится каждый шаг, бодрые голоса людей, идущих на шахту, и в воздухе струится по-особенному ароматный дымок от папирос.

Бридько ходил на наряд и возвращался домой почти всегда одной и той же дорогой: через пустырь, большой поселковый сквер и улицу Ленина, в последнее время превратившуюся в сплошной цветник. Здесь не было проезжей дороги. По обеим сторонам улицы тянулись асфальтированные тротуары, скрываясь в густой тени серебристых тополей и акаций.

Все здесь в цветах и зелени. А ведь природа в этих местах никогда не была милостива к людям. Жестокие восточные ветры выдували почву, несли по голой, опаленной зноем степи тучи пыли. Сколько понадобилось усилий, чтобы на пустом месте вырастить такое количество деревьев, кустарников, цветов!..

На улице Ленина Иван Иванович всегда встречается с садовником Котелевским. Он долгие годы проработал в шахте коногоном, уборщиком породы, забойщиком. Цветоводством стал заниматься, когда ушел на пенсию. Здесь, на шахте, эта профессия ценится так же высоко, как и труд горняка.

Это он, неутомимый цветовод, развел в поселковом парке, в скверах, на шахтном дворе несметное количество левкоев, гвоздик, резеды, калачиков и ромашек — целый огромный мир радужных живых красок и ароматных запахов. И на шахте ни один праздник, ни одна свадьба не обходятся без цветов.

Осторожно шагая между цветными грядками, садовник пошел навстречу Бридько, вытирая запачканные черноземом руки.

— Погляди, как шагает и на часики все поглядывает, — указал он глазами на паренька, торопливо идущего по тротуару. — Видать, новенький еще, не знает тебя, Иван Иванович, а то бы сразу смекитил: раз Бридько здесь, значит, спешить некуда, до смены, факт, остается кругленьких полчаса.

Оба улыбнулись.

Котелевский сорвал только что расцветшую яркую резеду и преподнес ее Бридько. Тот молча принял подарок.

Бридько часто приходил на шахту с цветами, и уборщица, пожилая женщина, уже привыкла к этому и всегда ставила ему на подоконник стеклянную банку с водой.

Когда Иван Иванович подходил к шахте, кто-то негромко окликнул его. Он придержал шаг, обернулся. К нему приближался Сергей Полова. Иван Иванович давно не видел его и уже забыл о неприятном инциденте.

— Полова?.. — не то удивился, не то обрадовался Бридько. — Ты где же это пропадаешь?

Парень смутился, опустил взгляд и стал ковырять и приглаживать влажную от утренней росы землю носком сапога.

— Как вам сказать, Иван Иванович, — начал он нерешительно, — ушел я тогда от вас, а теперь жалею.

«Ах, вот оно что…» — Бридько вспомнил сцену в нарядной, сердитые лица шахтеров и чей-то гневный голос: «Дезертиры!».

Полова осмелел и поднял глаза:

— Примите к себе на участок, век буду благодарить, Иван Иванович.

Бридько помолчал. Из головы не выходило слово «дезертиры». Он едва сдержал себя, чтобы не наговорить парню резкостей.

— Нет, — наконец сказал он, — один я этот вопрос решать не волен. В бригаде тебе работать, пусть бригада и решает, как с тобой поступить. Приходи на наряд, там поговорим.

Бридько ушел, а Полова долго еще стоял потупившись.

Давая наряд горным мастерам и бригадирам, беседуя с шахтерами, Иван Иванович ждал, что вот-вот войдет Полова, а может быть, и Букреев. Он заранее знал, что горняки вряд ли поверят их раскаянию и могут даже грубо выпроводить. Интересно, хватит ли у Половы мужества признаться в своей вине перед товарищами?

Но Полова так и не пришел.

Когда в нарядную вошел горный мастер Пукалец, Бридько, выслушав его рапорт, рассказал о встрече с Половой:

— Просится, чтобы принял, а вижу — кривит душой, несерьезный парень.

— Заработки на участке стали завидные, вот и просится, — сказал мастер. — А в случае чего — опять в кусты… Знаем таких!

Зазвонил телефон. Бридько взял трубку. Пукалец видел, как менялось лицо начальника участка. Постепенно оно стало жестким, неприветливым. Ясно было, что ему сообщили какую-то неприятность.

— Случилось что-нибудь, Иван Иванович? — обеспокоенно спросил мастер, когда Бридько повесил трубку.

— Забери-ка ты свой рапорт назад. Я его не принимаю, — не отвечая на вопрос, сердито проговорил Бридько.

Из шахты звонили, что мастер Пукалец забыл или не успел

очистить верхний куток лавы для разворота врубовой машины. Это задержало работу ремонтной смены.

— Выходит, взвалил часть своих дел на плечи других?

— Да ведь там дел этих самая малость, Иван Иванович. Ремонтники справятся. — Пукалец смущенно вертел в руках аккумуляторную лампу, то включая ее, то выключая.

— Не порти лампу. И забери свой рапорт. Доведи работу до конца, тогда отчитаешься.

— Ну ладно, пойду доделаю… — неохотно согласился Пукалец и собрался было идти.

Бридько порывисто поднялся из-за стола:

— Что значит «ну ладно»? — Чуть сощуренные глаза его сверкнули негодованием. — Я требую доделать работу не потому, что у меня такой характер: цикл требует уважения. Я не, имею права переложить даже малую частицу работы твоей смены на плечи другой.

Когда горный мастер ушел, Бридько долго сидел за столом задумавшись. Пукалец был хороший, исполнительный мастер. Как же случилось, что он допустил оплошность? По забывчивости? Все равно это не снимает с него вины. И Бридько в который раз сделал вывод, что нельзя ослаблять контроль за людьми.

Вторично Бридько принимал рапорт горного мастера непосредственно в лаве. Он сам осмотрел, правильно ли зачищен куток для врубовки, надежно ли закреплен.

Делал он это не торопясь, подчеркивая тем самым, что его доверие к горному мастеру поколебалось, что впредь он будет осторожен к его рапортам.

Серьезный разговор

С начальником шахты Игнатом Григорьевичем Жуковым у Бридько старая дружба. Еще задолго до войны Жуков работал у него на участке врубмашинистом и довел добычу на своей врубовке до 6 тысяч тонн угля в месяц. У Жукова было большое количество последователей на всех шахтах Донбасса.

Потом они вместе учились в Московской промакадемии. Возвратившись с фронта, Жуков некоторое время руководил угольным участком, затем был назначен начальником шахты.

Они уважали друг друга, но, случалось, и крепко спорили. На этот раз разговор состоялся в служебном кабинете Жукова. Уже в первую минуту он приобрел острый характер. Поняв это, Игнат Григорьевич запер дверь и положил ключ на стол. Это должно было означать, что разговор надолго и начистоту.

Прислонившись к окну, Жуков молча, словно с любопытством, рассматривал Бридько. Тот нетерпеливо ходил по комнате. Нервничал.

— Вместо того чтобы добиться на шахте сплошной цикличности, грамотно, по-инженерному добывать уголь, мы устраиваем дни повышенной добычи и, как варвары, топчем горное искусство, — начал Бридько. Тон, которым говорил он, раздражал начальника шахты.

— Я с удовольствием уступлю тебе свое место, Иван, тогда и руководи по-своему, — бросил он.

Жукову хорошо было известно, что Бридько несколько раз предлагали стать начальником одной из шахт, но он всякий раз отказывался, ссылаясь на то, что такая должность ему не по плечу.

— Не шути, Игнат, — после небольшой паузы, с трудом сдерживая себя, сказал Бридько, — не шути. Разговор у нас серьезный.

Он подошел почти вплотную к Жукову и, старательно протирая очки носовым платком, заговорил:

— Мне кажется, тебе должно быть ужасно неловко, когда к нам приезжают горняки с других шахт и идут за опытом не на любой участок, а чаще всего на мой.

— Ну и радуйся, чудак человек! — не выдержав, съязвил Жуков.

Бридько ответил не сразу. «Какой-то странный, раздражительный сегодня Игнат. Интересно, что его так раздражает?» — думал он.

— Я заговорил об этом потому, что совесть замучила.

Приезжаю на какую-нибудь шахту, рассказываю о делах участка, а у меня спрашивают: сколько у вас участков на шахте? Столько-то, отвечаю. И все по цикличному графику работают? Нет, говорю, по графику работают пока не все. Некоторые все еще раскачиваются. И, веришь, после этого в зале наступает такая жуткая тишина, что готов провалиться сквозь землю.

— Не на всех наших участках, к сожалению, удается применить твой график, — сказал Жуков. — И учти…

— А при чем тут мой график? — перебил его Бридько. — Каждый участок должен иметь свой, соответствующий условиям его лавы.

Жуков махнул рукой, как бы не желая слушать его, и опять раздраженно заговорил:

— Ты же знаешь, что я из кожи лезу, добиваюсь ритмичности на других участках, но, к сожалению… — Он развел руками.

— Но, к сожалению, мешают дни повышенной добычи, — отрубил Бридько.

Лицо Жукова стало жестким и обиженно-недружелюбным.

— Опять ты упрекаешь меня этими днями? — Он резко отодвинул стул и энергичным шагом прошелся по комнате. — Тебе же хорошо известно, что не я выдумал эти дни, будь они трижды неладны!

— Это не оправдание. Сегодня лишний эшелон угля наскребли, а завтра столько же, а то и больше недодали, — непримиримо вставил Бридько.

Жуков посмотрел на него и вдруг добродушно рассмеялся.

— Да неужели ты думаешь, что я за дни повышенной добычи стою? Лютее меня для них врага не сыщешь. Но что поделаешь? — Он сел и теперь, казалось, рассуждал сам с собою. — Что поделаешь, если новое принимают не сразу, а потребность в угле сейчас сам знаешь какая…

Бридько ушел, твердо решив, что он может и обязан по-настоящему помочь Жукову.

Иван Иванович всегда охотно делился своим опытом. К нему на участок часто приезжали горняки с других шахт, но далеко не все начальники участков родной шахты побывали у него в лаве. Что это, молчаливый протест?

Правда, на деловых совещаниях у Жукова, на общих собраниях Бридько порой очень резко критиковал своих коллег за нерадивость, бесхозяйственность, нежелание работать культурно. Возможно, это и посеяло молчаливую неприязнь к нему?

Как-то, на третий или на четвертый день после разговора с начальниками шахты, горный мастер сказал Бридько, что приходил Тихон Кручин, начальник третьего участка.

— Кручин?.. Зачем это он?.. — удивился Иван Иванович.

Мастер неопределенно повел плечами и добавил:

— И в лаву лазил, а ушел — никому слова не сказал.

Бридько знал, что в эти дни Жуков вызывал к себе начальников участков поодиночке и о чем-то беседовал с ними. О чем шел у них разговор, никому не было известно, но секретарша начальника сказала ему, что выходят начальники из кабинета Жукова как из парной — «румяные и пот с них градом…» Возможно, после этого и посетил участок Бридько Кручин? Во всяком случае, так просто Тихон Кручин не пришел бы, тем более что его участок находился в противоположном конце шахтных выработок, километра за два с лишним.

Участок Кручина работал неплохо — из месяца в месяц выполнял план и даже имел свыше сотни тонн угля сверх задания. Его-то меньше всего и ожидал у себя на участке Бридько. К тому же Кручин был человек твердого характера, неуступчивый и самолюбивый.

На другой день, придя на работу, Бридько увидел Кручина. Тот сначала немного смутился, но Иван Иванович сделал вид, будто ничего не заметил, спросил:

— С чем хорошим пожаловал, Тихон Григорьевич?

Гость смущенно улыбнулся:

— Не с чем, а зачем — так вернее будет.

Когда они обошли весь участок, Бридько ждал, что гость станет задавать вопросы, подробно обо всем расспрашивать, но, к его удивлению, тот не обмолвился ни словом.

Только когда вышли из шахты, помылись в бане, Кручин сказал:

— Пойдем-ка, Иван Иванович, в скверик, потолкуем.

Сели на скамью.

— Признаюсь тебе, Иван Иванович, чистосердечно: по сегодняшний день не верил, что у тебя на участке порядок лучше, чем у меня. А теперь вижу — ошибся. Порядок у тебя на участке завидный. Ничего не скажешь. А главное, коллектив ты сумел сдружить во как! — и он твердо сжал кулак.

Расстались они друзьями.

А на другой день Бридько побывал у соседа, и они вместе с Кручиным принялись составлять график цикличности, учитывая все особенности третьего участка.

В эти дни Жуков, встретившись с Бридько, спросил:

— Слышал, Кручин был у тебя. Ну, а другие начальники бывают у тебя на участке?

Иван Иванович заметил в его глазах лукавую улыбку и окончательно понял, по какому делу Жуков вызывал к себе

начальников участков и почему они такие «румяные» выходили из его кабинета.

— Приходят. Сегодня с четвертого был, — ответил Бридько.

— Наконец-то… — облегченно сказал Жуков и улыбаясь добавил: — Главное, искусство свое возьмет, Иван Иванович!

Затем положил руку на плечо Бридько и сказал:

— Знаешь, решил я нарезать для тебя новую лаву.

Бридько уже слышал об этом. Лава должна быть не короче 265 метров. Таких в Донбассе пока что мало.

— Вот уж будет где тебе развернуться! — пообещал Жуков. — Только не знаю, получится ли у тебя там с циклом. В такой лаве цикл в сутки — дело очень серьезное.

Бридько испытующе посмотрел на него: шутит или говорит всерьез?

Жуков дружески улыбнулся:

— Уж и насупился. Знаю, что и такую лаву вытянешь. Другой бы, может быть, и не вытянул, а ты справишься, факт!..

Бридько шагал домой и думал: «Скорей бы нарезали новую лаву!». Теперешняя, в которой он проработал не один год, вдруг показалась ему тесной, душной, хотя длина ее была 180 метров.

Трудовые будни

Новая лава, в которую перешел работать со своими людьми Бридько, и обрадовала и озадачила его. Управление кровлей в этой лаве очень затруднительно, горногеологические условия в ней далеко не благоприятны: кровля — глинистый сланец (мыльник). Если ее вовремя «не подхватить», то неизбежно частичное выпадание породы и даже обвал.

В первый же месяц работы Бридько заменил деревянное крепление металлическим. Кроме того, выложил 30 бутовых полос. В первые дни, пока люди еще не привыкли к новым условиям, случались небольшие обвалы. Но постепенно и эти трудности были поборены. Темпы продвижения лавы с каждым месяцем убыстрялись, Горняки участка стали выдавать из шахты до 700 тонн угля в сутки.

Социалистическое соревнование на участке разгоралось все жарче. Накануне июньского (1960 г.) Пленума ЦК КПСС можно было наблюдать такую картину: проходчики коренного штрека все чаще с опаской оглядывались назад. Бридько уважал профессию этих людей. На проходке не всякий сможет работать. Там нужны люди сильные, мужественные и, если хотите, романтичные по своей натуре. Они, словно разведчики или саперы, обеспечивают продвижение вперед головному отряду — добытчикам угля.

Проходчики должны опережать лаву на десятки метров. В противном случае линия угольного фронта, лава, приостановит свое движение и на участке все замрет.

Бригада проходчиков, которой руководил опытный горняк Зоренко, считалась одной из лучших на шахте. Освоив скоростные методы проходки, они почти в три раза превысили установленную норму. Но и этого было мало. Угольщики, делающие в сутки по полтора цикла, догоняли проходчиков, «сидели у них на плечах».

Проходчики перегруппировали силы. Чтобы ускорить уборку породы, они перед отпалкой настилали на основание штрека железные листы. Темпы проходки возросли. Проходчики на какое-то время оторвались от своих «преследователей», ушли вперед. Но ненадолго.

Как-то бригадир Иван Гопко пришел в штрек к Зоренко, взял его за руку и отвел в сторону.

— Помогай, Егор Семенович, беда, — сказал он.

Услышав в его голосе тревогу, Зоренко в первые несколько секунд испытал какое-то смешанное чувство. Вначале его так и

подмывало сказать: «Пришел все же подмогу просить». И в то же время на сердце вдруг стало беспокойно.

— Помогай, — продолжал Гопко, — комбайн до половины привалило. Гуртом разберем породу в один момент, а одним нам барахтаться часа два, не меньше, добычу сорвем.

— А Иван Иванович в лаве?

— То-то и оно что нет его, — с досадой сказал Гопко.

— Да, нехорошо получается… — В раздумье проговорил Зоренко.

— Что нехорошо?

— А то, что вы и нам работу срываете. Не выполним норму проходки, что Иван Иванович скажет?

— Ты что ж это, отказываешься помочь? — крикнул бригадир. — В таком случае я сам позову твоих людей.

И Гопко рванулся было к забою. Но Зоренко удержал его за рукав.

— Не горячись, — сказал он уже другим, твердым голосом, — иди в лаву. Сейчас моя бригада там будет.

Беда оказалась не такой уж большой: неожиданно осел большой корж. Через полчаса комбайн снова заработал.

Зоренко первый встретил начальника участка в штреке и рассказал ему о случившемся.

— Понимаешь, Иван Иванович, — горячился он, — понимаешь, какой этот Гопко: субординацию хотел нарушить. Не хочешь, говорит, помочь, я сам твоих людей кликну — и к забою.

— Ну, а ты?

— За руку, как и положено. Стой, говорю, тут твоя граница кончается, — рассмеялся своей выдумке Зоренко.

Засмеялся и Бридько:

— Ну, ты все же чуток поиграл на нервах Гопко?

— Ну а то как же! Иначе с «соперником» и нельзя…

Как-то Зоренко заявил начальнику участка:

— Теперь угольщикам ни в какую не догнать нас, хоть пупки надорвут.

Запыленное, вспотевшее лицо его было радостно возбужденным.

— Это еще вопрос, Егор Семенович.

— Почему вопрос? — возразил бригадир. — Мы опередили их на тридцать метров с лишком, а через недельку будет кругленьких пятьдесят. Так что ты, Иван Иванович, не того… — улыбнулся он, предполагая, что начальник участка решил пошутить над ним.

— Нет, Зоренко, — все также серьезно сказал Бридько, — уже через месяц угольщики сожрут твои пятьдесят метров и

потребуют новых сто, а то и сто пятьдесят.

Бригадир молчал, ошеломленный новостью.

— Да, да, сожрут, — решительно повторил Бридько, — потому что, дорогой Егор Семенович, на днях принимаем в лаву второй горный комбайн. Ясно? К тому же заменяем рештаки мощными скребковыми конвейерами. Так что лаву будут двигать одни механизмы. Ну как, справишься с угольщиками?

— Вон оно что, — озадаченно протянул проходчик. — В таком случае, Иван Иванович, подавай-ка и нам горнопроходческую машину помощнее, иначе наше дело действительно труба.

— Более мощной погрузочной машины пока что у нас нет. Да и зачем она? И эта вполне устраивает. Надо только хорошенько подумать, как с этой машиной двигаться побыстрее…

И стали думать. Удлинили шпуры, увеличили их количество. Теперь при взрыве порода не отваливалась огромными глыбами, которые потом приходилось разбивать, колоть тяжелой кувалдой, что отнимало уйму времени и сил. Порода теперь разрыхлялась взрывом на небольшие куски, и погрузочная машина быстро, без задержки погружала их в вагонетки…

На июньский (1960 г.) Пленум ЦК КПСС Иван Иванович Бридько поехал не с пустыми руками: участок с большим превышением выполнил полугодовое задание. В лаве теперь не было навалоотбойщиков. Вместо врубовок работали комбайны. Управление кровлей осуществлялось по-новому, с помощью металлического крепления. На участке царила слаженность, четкое взаимодействие в работе горняков всех профессий, все тот же образцовый порядок.

Сын народа

В послевоенные годы Бридько побывал в гостях у горняков многих стран мира. Особенно запомнилась одна из поездок в Чехословакию.

Спутником Бридько был прославленный забойщик енакиевской шахты «Красный Октябрь» Герой Социалистического Труда Иван Трофимович Валигура.

Отправляться должны были из Москвы. Здесь их ждали горняки других угольных бассейнов страны. Все вместе вылетят в братскую Чехословакию.

Бридько давно знал Валигуру. Они не раз встречались на совещаниях и слетах горняков в областном центре, в Москве и теперь с удовольствием беседовали. Ивана Ивановича приятно удивило, что и в биографиях их много общего. Валигура, так же как и он, юношей приехал на шахту из Каменец-Подольска, работал уборщиком породы, лампоносом, рубал уголь обушком.

Валигура спросил:

— Иван Иванович, вы после войны бывали за границей?

— Бывал, — ответил Бридько.

— А я только военную Европу и знаю. У них, наверное, все сильно изменилось.

Они везли за границу богатый трудовой опыт.

В то время в Праге только что открылась выставка «Навеки с Советским Союзом». Экспонаты выставки убедительно рассказывали о достижениях СССР в различных областях народного хозяйства, науки и культуры. В одном из залов выставки кто-то из товарищей обратил внимание Бридько на стенд, где висел его портрет.

Бридько сразу же окружили чехи.

— Честь праци, содруг Бридько! — вдруг раздался чей-то громкий радостный голос.

Иван Иванович обернулся и увидел, что к нему сквозь толпу пробирается уже немолодой человек с крупными, словно чеканными чертами лица. Бридько сразу узнал его. То был Вацлав Борташ, знатный навалоотбойщик шахты имени Запотоцкого из города Кладно. В свой прошлый приезд Бридько побывал в забое, где работал Борташ. Норма у них на бригаду была три метра пятнадцать сантиметров угля.

— А сколько даете? — спросил тогда у навалоотбойщика Бридько.

— Девять метров.

— А десять, одиннадцать можно?

Борташ задумался.

— Можно вырубить и столько, — сказал он уклончиво, — да мешает переброска угля. Приходится ставить на эту работу одного, а то и двух горняков.

Бридько рассказал, как это делается на шахтах Донбасса. В таких случаях монтируют сцепления качающихся конвейеров и устраняют переброску. Тогда же Вацлав пообещал приспособить такой конвейер. Теперь Бридько напомнил ему об этом. Тот просиял и крепко сжал руку Бридько.

— Спасибо за совет, друг! — воскликнул он, — Теперь мы рубим по двенадцать метров пласта. Двести процентов нормы!

Он долго рассказывал о том, что у них на шахтах Кладно перенимают опыт советских шахтеров и добиваются все новых успехов в труде.

— Сейчас у нас все участки переходят на цикличный метод, — сказал Борташ и вытащил из бокового кармана пиджака брошюру. То была изданная в Чехословакии книга Бридько «Цикличность — основа высокой производительности труда шахтеров».

Иван Иванович был глубоко тронут: брошюра была изрядно помята, со следами угольной пыли на страницах. Тираж ее был велик. Выходит, она нужна здесь, приносит пользу.

Вскоре после поездки в Чехословакию Бридько побывал у горняков Болгарии, затем Англии и Японии.

Возвращалась советская делегация на родину через Европу. В Париже в номер к Бридько вошел корреспондент «Правды» и сообщил ему радостную весть;

— Поздравляю вас, Иван Иванович: страна наградила вас второй золотой звездой Героя и «Правда» просила меня от души поздравить вас.

Бридько растерялся и некоторое время не знал, что сказать этому родному человеку, соотечественнику, в ответ на такое необычное известие. И он крепко обнял корреспондента.

* * *

Прошло уже много лет, как Бридько предложил свою, ставшую теперь широко известной организацию труда на шахте. С тех пор коллектив, руководимый им, выработал несколько угольных лав. Менялись горно-геологические условия, внедрялась новая горная техника, в бригады вливались новые люди. Но лава цикловалась изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Сотни людей прошли школу Бридько, стали не только

опытными горняками, но и зрелыми командирами шахт, — участков, бригад. Шахтеры единодушно избрали своего славного сына депутатом Верховного Совета Союза ССР, и он честно, верой и правдой служит своему народу. Иван Иванович Бридько принадлежит к числу тех людей, которые в своей жизни руководствуются моральным кодексом, провозглашенным в новой Программе партии.

Говорят, солнце отражается в капле воды. Так и в славных делах замечательного новатора-угольщика Ивана Ивановича Бридько отражается жизнь нашего рабочего класса. Героя вырастили и окрылили на богатырские подвиги Советская власть, родная ленинская партия. Это они вывели его на трудную, но светлую дорогу.